

МОСГОРСПРАВКА
ОТДЕЛ ГАЗЕТНЫХ ВЫРЕЗОК
К-9, ул. Горького, д. 5/6. Телефон 203-81-63

Вырезка из газеты

МОЛОДЕЖЬ
АЗЕРБАЙДЖАНА

г. Баку

15 ДЕК 1984

НУЖНО БЫТЬ СМЕШНЫМ ДЛЯ ВСЕХ

— Быть ему клоуном, — улыбаясь, говорили восхищенные медсестры.

Еще бы, такое в их практике случилось впервые: ребенок, только-только появившийся на свет, не заплакал, как все обычные младенцы, а засмеялся. Молодая мама только рукой в ответ махнула — еще чего, клоунов в их семье никогда не было и не будет, а то, что веселым таким оказался сын, так это в отца — жизнерадостного, с очень развитым чувством юмора человека.

— Время покажет, — отшутилась самая молодая из медсестер.

Могла ли вообразить в то время молодая мама, что спустя 35 лет она увидит на красочных афишах, расклеенных в родном городе, имя не только старшего, но и младшего своего сына, которому ничего подобного не предсказывали работники роддома, потому что появился он на свет, как и все обычные новорожденные, — с плачем. Но афиша, вот она: «Весь вечер на манеже дипломанты Всесоюзного конкурса новых цирковых произведений Алик и Илья Нисановы».

Уже несколько дней в Бакинском государственном цирке идет новое представление, программа его разнообразна, здесь и дрессированные козы, и джигиты «Молодая Туркмения», и акробаты на качелях с медведями под руководством заслуженного артиста РСФСР Венедикта Белякова — обладатели Гран-при в Монте-Карло. Но кто-то из великих сказал, что лицо цирка — это клоуны, что именно по ним судят о цирке и от них зависит, с каким настроением станут смотреть зрители всю программу и с каким чувством покинут люди зал. Такая вот мера ответственности у представителей этой «несолидной» профессии.

— Над тобой же все смеяться будут, все, кому не лень, разве ты так глуп? — звучал очередной родительский аргумент старшему сыну. В то время трудно было Алику убедить — нервничал, суеился, хотя сам был убежден в том, что настоящим клоуном может быть только очень умный человек. В итоге ушел из дома, уехал в Москву. Просто не мог себе представить жизнь без цирка — терялись яркие, сочные

краски, ритм, тонус. С чего она началась у него, эта «болезнь»? С любви. Потому что, как и все на свете большое, светлое, важное, призвание тоже начинается с любви. Увидев раз на арене цирка народного артиста Армянской ССР Леонида Енгибарова, Алик влюбился в его мастерство, в его добрый, мягкий и пронзительно грустный юмор... Еще идеалами были для него такие великие и известные мастера, как Чарли Чаплин, Карандаш, Юрий Никулин.

В Москве восприняли явку молодого беглеца не с очень большим энтузиазмом. Клоуном? А что вы умеете? Поздно было спохватиться, вам ведь уже двадцать. Этому искусству необходимо учиться с детства.

Алик в детстве этому не учился, он только смешил. Пародировал, изображал всевозможные сценки, от которых не только ровесники, но и солидные, серьезные учителя в школе давились смехом, как дети.

— Вот вам скрипка, попробуйте что-нибудь такое изобразить.

Алик колебался лишь долю секунды, затем скрипку он перевернул струнами вниз и принялся с очень вдохновенным, лирическим выражением лица водить смычком по деревянному верху. Наверное, был он в этот момент уж очень потешным, потому что на стажировку его все-таки взяли. Занимался жадно, до такого подчас изнеможения доводил себя, что засыпал прямо на манеже. Освоил пантомиму, йогу, жонглирование пятью предметами, подготовил целый ряд реприз. Нашел себе и образ, в котором выступает по сегодняшний день. Это — клоун-диско, все у него подчинено быстрому ритму, обязательные компоненты — музыка и танцы, горячий бакинский темперамент, оптимизм. Потом были гастроли — Москва, Ленинград, Новосибирск, Ереван, Тбилиси. И вот — Баку.

Разноцветные перья, шляпы, колпаки и комбинезоны, до неправдоподобия огромные красные башмаки в белый горошек... Уже смешно — наряды-то клоунские! До начала представления еще 40 ми-

нут, и сюда входит высокий, большеглазый парень — это двадцатидевятилетний Илья Нисанов, младший брат Алика. С ним первым у нас и начался поначалу разговор.

Илья категорически против тех приемов, которые смешат только лишь ради смеха. Он уверен: клоун не только может, он должен воспитывать. Да, через смешное. У него тоже, как и у брата, есть свой образ — добрый человек. Такой, чтобы зрителям казалось, что стоит только дотронуться до клоуна пальцем, как сразу упадут на него теплые лучи света, радости. А для этого нужно и самому быть человеком очень добрым, потому что клоун не должен играть кого-то другого — только самого себя. Значит, надо быть интересным — хорошо эрудированным, пластичным, остроумным.

Младшему всегда легче, если он выбирает тот же путь, что уже выбрали в семье старшие. Меньше препятствий, проторенная дорога. У Ильи, увы, все оказалось иначе. Родители, смирившись с выбором профессии двух старших братьев, ни за что на свете не хотели соглашаться с тем, что и младший станет «заполнять перерывы» в цирке. Хотя один из сыновей должен же быть рядом, дома, заниматься «серьезным» делом. Ох, уж эти гастроли! Но Илья, так же, как в свое время и Алик, остановить было уже невозможно. Занимался на кухне, а если в комнате — то только по ночам, когда все в доме засыпало.

— Асса! — с таким возгласом врывается в маленькую комнатку ребенок, и тут же срываются с петель на пол сразу несколько клоунских атрибутов. А следом входит Алик Нисанов:

— Мой сын, — разводит он руками. — Как видит Илья, сразу кричит: «асса!» Пародирует племянник, — поясняет Илья. — Видите, уже что-то клоунское проявляется...

...Ребятам нужно переодеться, подготовиться к выходу на арену, и я уйду в зал. Представление начинается. На манеже очень сложно узнаваемый Илья — брови домиком, яркий наряд. Он держит в руках барабан и умоляюще смотрит в сторону оркестра.

— Maestro, асса!

Но оркестр молчит. Клоун повторяет просьбу громче, топает ногами, смотрит уже разъяренно, хватается за табурет, и тут вдруг начинает звучать музыка. В доли секунды лицо младшего Нисанова преобразается, табурет, бывший угрозой, превращается в атрибут танца. Илья держит его над головой и пляшет лезгинку. Зрители радуются вместе с ним.

...Репризы братьев Нисановых учат доброте. Потому что в самом нелепом, глупом положении оказывается тот, кто вышел с дубинкой, а другой — с воздушным шариком — побеждает. Клоуны летают высоко, под куполом цирка и бросают оттуда легкие, разноцветные зонтики, дарят пригоршнями зрителям свет от горящего на манеже фанаря. Очень интересны номера «Факир», «Каратэ», «Перевыбитые», «Йога», а в одной из реприз «Художник на парижских бульварах» есть и глубоко философское звучание.

...Под веселую мелодию бедный художник (Илья Нисанов) обращается то к одной, то к другой стороне зала с мольбой: купите картину! Как вдруг на арене-бульваре появляется богач (Алик Нисанов) вместе со своим пажем, с почтением взирающим на хозяина. Надменная улыбочка, презрительный взгляд. Художник протягивает самые лучшие свои работы — богачу они не нравятся. Он указывает на холст, который был испорчен каплей краски — это просто-напросто пустой холст с кляксой. Художник в недоумении, совесть не позволяет ему принять деньги за ничто, но паж бросает мешочек — плату прямо на пол, и они уходят довольные своим приобретением. Зрители смеются над «умением» богача разбираться в искусстве и совсем уже заходятся от смеха, когда растерянный художник почти в состоянии аффекта выливает капли краски на уже готовые работы. И вдруг клоун застынет на месте с таким выражением лица, будто замахнулся только что на жизнь любимого, очень родного человека. Прижимает к сердцу последнюю, не заляпанную краской работу.

В зале наступает абсолютнейшая тишина. Нельзя в

уюду потребителям, в интересах наживы перечеркивать собственную душу... Арена темнеет...

Таково профессиональное кредо братьев Нисановых — клоун должен быть смешным для всех, но люди должны смеяться над глупостью, жадностью, чванством, всеми человеческими пороками, и никогда над болью, и никогда над добротой.

...Уже после представления, снова собравшись в маленькой и веселой, такой ее делают клоунские атрибуты, комнатке, мы говорим с ребятами о их мечтах.

— Для того, чтобы люди узнали на афише, скажем Чарли Чаплина, совсем не обязательно его рисовать — достаточно набросать котелок и трость, и все поймут, о ком идет речь, — говорит Илья.

Вот о таком характерном, запоминающемся образе мечтает и младший Нисанов. В его внешнем облике есть одна, очень индивидуальная деталь — веревочные подтяжки. Как знать, может быть, когда-нибудь достаточно будет нарисовать веревку, чтобы зритель узнал стающего к тому времени великим мастером Илью Нисанова. Будет ли так? Мечты, конечно, осуществляются далеко не всегда, но потому они и существуют, что можно делать все возможное и даже невозможное для того, чтобы претворить их в жизнь.

Алик же мечтает о том времени, когда будет, наконец, вновь создан азербайджанский цирк — с ярко выраженным национальным характером, с разными разноплановыми талантами, обязательно своими, когда появятся в республике новые, молодые клоуны — он бы щедро делился с ними уже накопленным опытом работы.

Пока же, в Азербайджане единственными своими клоунами остаются братья Нисановы.

— Есть одно пожелание, можно? — спрашивает Алик и, получив утвердительный ответ просит передать читателям «Молодежки», что:

— Если вы хотите оставаться всегда молодыми, бодрыми, жизнерадостными, то любите цирк, приходите в цирк, думайте о цирке.

Г. БАДАЛОВА.
Фото М. ГАШУМОВА.

